

Лицо вечной ночи

АННА ЛИС

АННА ЛИС

Лицо вечной ночи

<https://litres.ru/74267227>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1248 году в Кёльне у собора земля разверзлась, из неё вытекло чёрное масло. Из глубины слышалось сердцебиение существа, рождённого прежде Сатаны. Семилетняя Грета из кожевенного квартала первой приняла его дар, произнесла его имя, и её тень исчезла. Она стала невестой Бездны. Шесть веков она ждала, пока собор достроят, храня тайну, чертя кровавые круги и шепча его имя, веря, что любовь сильнее ада. Когда последний камень ляжет и время сделает полный оборот, Лицо ночи раскроет веки, и мир содрогнётся. Это готическая сага о тьме древнее света, любви старше времени и женщине, ставшей голосом Ночи.

Содержание

АННА ЛИС	4
ПРОЛОГ. ШЁПОТ ИЗ ГЛУБИНЫ	5
ГЛАВА 1. УДАР КИРКОЙ	8
ГЛАВА 2. СОН О КОЛОДЦЕ	11
ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ КРОВЬ	15
ГЛАВА 4. СПОР АРХИТЕКТОРОВ	18
ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ СНЕГ БЕЗ ТЕНИ	22
ГЛАВА 6. ПЕРВЫЙ ЗВОН	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лицо вечной ночи

АННА ЛИС

Иллюстрация на обложке Максима Кочетова.

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

ПРОЛОГ. ШЁПОТ ИЗ ГЛУБИНЫ

До того, как первый камень лёг в землю, до того, как люди научились бояться Бога правильно — был только шёпот.

Шёпот передавали из уст в уста те, кто видел сны наяву. Безумцы. Отшельники. Дети, родившиеся с закрытыми глазами и открывшие их на седьмой день. Они говорили об Одном. О том, кто был до света. До тьмы. До самого слова «до».

Его называли Лицом вечной ночи, потому что у него не было имени. Когда первые ангелы научились говорить, они попытались назвать Его — и их языки покрылись трещинами. С тех пор ангелы говорят шёпотом, если вспоминают о Нём.

Он не создавал миры. Он был миром — до того, как миры родились. Он не правил — он наблюдал. И когда его дети (потому что всё, что дышит, вышло из его сна) начали делить власть, он промолчал.

— Ты слишком стар, — сказал ему самый громкий из детей. Тот, кто позже назвал себя Сатаной. — Ты слишком тих. Ты уступаешь дорогу тем, кто громче. Уходи.

И Лицо вечной ночи ушло. Не потому, что испугалось. Потому что устало смотреть, как любовь превращается в войны, а истина — в догмы.

Он спустился в самое глубокое место, какое только мог найти. Туда, где время текло, как смола. Лёг на каменное

ложе и закрыл глаза.

— Я буду спать, — сказал он. — А когда проснусь — посмотрю, что вы сделали с миром. Если мир станет красивее — я останусь спать. Если нет — я открою глаза.

Сатана испугался. Он понял, что, когда этот древний откроет глаза, его царство — ад — окажется фальшивкой. Ошибкой. Плохой копией настоящей тьмы.

И Сатана придумал.

— Ты предал нас, — сказал он другим князьям. — Ты знал о заговоре и молчал. Ты — изменник.

Они поверили. Потому что хотели верить. Потому что боялись того, кто старше. И они сослали Лицо вечной ночи в Колодец Невыразимого — место хуже ада. Но Он не сопротивлялся. Он позволил.

— Я подожду, — прошептал он, падая в колодец. — Время — мой союзник.

Но Сатана не успокоился. Он знал, что даже Колодец не удержит такого. И тогда он придумал хитрость.

— Постройте собор, — приказал он людям, вложив мысль в голову архиепископа. — Самый большой. Самый высокий. И положите первый камень прямо над тем местом, где он спит. Каждый шпиль — это гвоздь. Каждый камень — это цепь. Мы пришили его к земле.

Люди строили 632 года. И всё это время Тот, кто спал внизу, ждал. Он чувствовал, как над ним растёт каменное тело. Чувствовал, как каждый кирпич добавляет тяжести. Но он

не сопротивлялся.

— Стройте, — шептал он сквозь сон. — Стройте мой гроб. Потому что, когда он достроится — я проснусь. И тогда вы увидите, что хоронили не чудовище.

Вы хоронили правду.

А правда не умирает.

Она ждёт.

ГЛАВА 1. УДАР КИРКОЙ

1248 год, август. Берег Рейна, Кёльн.

Первый камень закладывали на рассвете, но небо оставалось чёрным.

Архиепископ Конрад фон Хохштаден сжимал золотой молоток так, будто тот мог удержать его душу в теле. Пятьдесят монахов стояли полукругом, их чёрные рясы шевелились без ветра. Пятьдесят голосов тянули псалом, но звук глож, не долетая до второго ряда. Будто сами небеса набросили войлок на уши.

— Освятите основание, — прошептал епископ мастеру-строителю Герхарду. — Быстрее. Я чую запах...

— Чего, святейшество?

Конрад не ответил. Он боялся сказать вслух: запах субботы. Не воскресенья — того дня, когда Христос лежал в гробу. День, когда мир затаил дыхание и даже ад притих.

Герхард взмахнул рукой. Тридцать каменщиков разом опустили кирки в отмеченный круг земли.

Удар.

Земля не дрогнула. Она вздохнула.

Из трещины хлынула не вода — чёрное масло, густое, как старое вино. Оно не растекалось, а собиралось лужами странной формы: круги с восемью лучами. Колесо. Колесо

вниз.

— Бросьте туда кадило! — закричал кто-то.

Но кадило погасло, едва коснулось масла. Ладан превратился в пепел цвета запёкшейся крови.

А потом все слышали звук, которого не могло быть на глубине трёх локтей.

Сердцебиение.

Одно. Второе. Третье — и земля сомкнулась обратно, выплюнув кадило уже ржавым.

Конрад перекрестился левой рукой — ошибка, которую заметили только двое из его свиты. Он перекрестился зеркально.

— Закладывайте собор, — голос епископа не дрожал. — Стройте выше. Как можно выше. Мы запечатаем эту дыру шпильями. Мы вгоним гвозди в самое небо. Может быть... может быть, тогда оно не проснётся.

Никто не спросил — о чём он.

Но той ночью монахи в кельях выцарапали на свечах одни и те же слова: «*Фурка Фурка Фурка*». Никто не знал, что это значит. Никто не помнил, чтобы писал.

А на глубине, туда, где обычные камни давят в песок, нечто открыло глаза.

Впервые за двенадцать тысяч лет.

Вокруг его век рос сталактит — медленно, по миллиметру в столетие. Но сейчас сталактит треснул. Потому что векам полагалось быть сомкнутыми ещё тысячу лет.

«...интересно, — подумало нечто. — Конрад. Тот самый, что продал душу за сан в двадцать три года. Умный мальчик. Правильно почувствовал — шипили удержат. Если достроят.»

Из угла рта нечто вытекла струйка масла — той самой чёрной субстанции. Масло не пахло серой. Оно пахло молоком. Грудным молоком и замёрзшей молитвой.

«Но они не достроят, — подумало нечто. — Я не дам. Я подожду. Я всегда ждал.»

Оно попыталось улыбнуться. Челюсти не слушались — слишком долго были стиснуты в аду, слишком много веков сжимали Клятву Молчания.

Впрочем, время.

Оно подождёт.

В конце концов, быть погребённым под самым большим собором христианского мира — не худший способ провести эпоху.

Главное — не дышать.

Главное — забыть, как выглядит твоё собственное лицо.

Потому что если оно вспомнит... если сила, которую прятал двенадцать тысяч лет, вспомнит, как быть силой...

Тогда даже Библия Ада, где имя его записано звёздной пылью на первой странице, покажется детской сказкой.

ГЛАВА 2. СОН О КОЛОДЦЕ

В той же ночи, в Кёльне, девочка-сирота по имени Грета увидела сон. Ей было семь, она никогда не покидала кожевенного квартала.

Но во сне она стояла перед зеркалом из чёрного стекла.

За зеркалом кто-то стоял.

— Попроси каменщиков, — прошептал голос, похожий на шорох углей. — Попроси их сделать в восточной стене один лишний камень. Пусть положат его шершавой стороной наружу.

— Зачем? — спросила Грета во сне.

— Чтобы я мог видеть звёзды, — ответил голос. — Всего одну ночь. Одну ночь за шестьсот лет. Это не так много.

Девочка проснулась с обожжёнными ладонями и забыла всё.

Но каменщики наутро нашли на схеме собора ровно один непонятный камень. Шершавой стороной наружу. В восточной стене.

Никто не помнил, кто его начертил.

Герхард велел заложить его кирпичом.

Кирпич треснул через три часа, хотя не было ни ветра, ни дождя.

Просто треснул.

Будто его кто-то... посчитал.

Грета проснулась ровно в три часа ночи.

Не потому, что кто-то разбудил. Просто её сердце сделало лишний удар. Один. Тот, которого не было в предыдущем такте.

Она села на соломе, посмотрела на ладони. Кожа была чистой. Только под ногтями — чёрная каёмка. Будто она держала что-то угольное.

— Мам? — позвала девочка.

Мать спала в трёх локтях. Лицо закрыто тряпкой — так она делала, когда муж возвращался пьяным и обещал «выбить дурь». Но сегодня муж не приходил. И тряпка была сухой.

Грета не стала будить.

Она выскользнула из лачуги босиком. Улицы кожевенного квартала пахли мочой и известью. Но сейчас к этим запахам примешивалось что-то новое. Сладкое. Тягучее. Как вишнёвый сок, который однажды дала попробовать монашка у церкви Святого Северина.

Девочка пошла на запах.

Ноги сами вынесли к строительной площадке будущего собора. Круг земли, где днём закладывали первый камень, был огорожен верёвкой. На верёвке висели амулеты — волчьи зубы, чеснок, медные пластины с псалмами.

Грета переступила через верёвку.

Амулеты не сработали. Потому что они были рассчитаны

на духов, а то, что лежало внизу, духом не было. Оно было старше понятия «дух».

Она встала в центр круга.

— Я пришла, — сказала девочка громко.

Земля под ногами стала тёплой.

— Я знаю, что ты меня слышал. Тот, кто за зеркалом.

Молчание.

— Я согласна.

Тишина стала плотной. Как вода, когда ныряешь глубоко.

— Только... — голос Греты дрогнул. — Только ты обещал звёзды. Я хочу увидеть звёзды. Хотя бы одну. У нас в квартале неба не видно. Только копоть.

Земля под её ногами выдохнула.

Тепло поднялось к горлу. Девочка почувствовала во рту вкус — старый мёд, пыль, железо и что-то, у чего нет названия, потому что язык этого мира не приспособлен для таких вещей.

А потом Грета упала на колени и зарыдала.

Не от боли.

От того, что впервые в жизни кто-то её услышал. Не мать, которая вечно занята. Не священник, который говорит заученные фразы. А кто-то огромный, как ночь, кто лежал под землёй и всё равно был внимательнее любого живого.

— Я сделаю, — прошептала она. — Я попрошу каменщиков. Тот камень. Шершавой стороной наружу. Я сделаю.

Она встала, отряхнула колени.

И уже уходя, обернулась:

— А как тебя зовут?

Тепло под землёй сжалось.

А потом до неё донёсся звук — не голос, не мысль, а ощущение имени. Оно не умещалось в уши. Оно вошло через кожу, через кости, через ту часть мозга, которой люди не пользуются.

Грета не смогла бы повторить его вслух. Язык сломался бы.

Но она поняла перевод.

«Тот, кто помнит тишину до первого звука.»

Девочка кивнула, будто это было самое обычное имя в мире, и побрела домой.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Через неделю умер первый рабочий.

Звали его Томас. Был он из тех, кто клал кирпичи на восточной стене. Той самой, где на схеме появился странный камень.

Томас не жаловался на здоровье. Утром съел похлёбку, выпил три кружки кислого пива, поругался с женой. Обычный день.

В полдень он остановился, положил руку на только что уложенный кирпич и сказал:

— А он тёплый.

Сосед по стройке рассмеялся:

— Солнце припекло, дурак.

— Не от солнца, — Томас постучал пальцем. — Изнутри.

Он наклонился, приложил ухо к камню.

И замер.

Лицо его побелело так быстро, будто кто-то выключил кровь. Глаза распахнулись — белки стали синими, как у мертвеца, пролежавшего в воде три дня.

— Томас? — сосед тронул его за плечо.

Томас повернулся.

Рот его был открыт, но звука не было. Только лёгкое шипение, с каким выходит воздух из проколотых лёгких.

А потом он упал.

Когда подбежали другие, Томас был мёртв. Тело — ещё тёплое. Кожа — без единой царапины.

Но лицо...

Лицо застыло в выражении, которого никто из присутствующих не видел никогда. Ни страх, ни боль, ни экстаз.

Это было лицо человека, который увидел слишком далеко.

Монах-доминиканец, прибежавший на крики, перекрестил тело и прошептал:

— Он заглянул туда, где кончаются имена. Господь милостив, что забрал его сразу.

Герхард приказал замуровать тот кирпич в толщу стены. С обеих сторон — железными пластинами.

Пластины проржавели за ночь.

И никто не заметил, как на сырой известке проступили слова. Не на латыни. Не на немецком. На языке, которого не существует.

Но Грета, которая принесла отцу обед, прочитала их без труда:

«Первый. Но не последний.»

Отец отлупил её за то, что смотрит на мертвеца.

Ночью девочка снова стояла в круге земли.

— Ты его убил, — сказала она не зеркалу, а темноте.

Тепло под ногами стало виноватым.

— Не хотел, — пришёл ответ. Не голосом — чувством. —

Он услышал то, что не для живых. Моё имя. Моё настоящее. Из семи слогов. Он услышал четыре. Этого хватило.

— Ты опасный.

— Да. — Тепло не спорило. — Очень. Поэтому я здесь. Поэтому они закопали меня под камнем. Поэтому ты — мои глаза. Потому что даже опасность имеет право на одну звёздную ночь.

Грета помолчала.

— А если я тоже услышу? Те семь слогов?

Тепло поднялось к её пяткам — мягко, как дыхание матери, которой у неё не было.

«Тогда я сделаю так, что ты станешь первым человеком, который услышал их и выжил. Потому что ты — моя.»

Грета не поняла последних слов. Но ей стало спокойно.

Впервые в жизни.

Даже когда под кроватью кто-то дышал и скрёбся, ей было спокойно. Потому что теперь под кроватью было ничего.

Всё, что хотело ей навредить, ушло.

Уступило место Тому, кто лежал глубже.

ГЛАВА 4. СПОР АРХИТЕКТОРОВ

1254 год. Шесть лет спустя.

Герхард фон Риле стоял у доски с чертежами и не узнавал собственной руки.

— Кто добавил эту арку? — голос его звенел, как натянутая тетива. — Я спрашиваю: чья рука?

Пять архитекторов молчали, будто языки проглотили. Их взгляды скользили к южному трансепту — туда, где на пергаменте возникла новая линия. Изогнутая. Непокорная. Такая, что и подмастерье не вывел бы во хмелю.

— Она... красивая, — робко выдохнул молодой ученик по имени Йохан.

Герхард обернулся с такой стремительностью, что юноша пригнулся, будто под ударом.

— Красивая? Она невозможная. По расчётам — рухнет на третий год. Камень не держит такого изгиба. Только...

Он осекся.

Только если камень будет живым.

Эту мысль он не выпустил наружу. Но она заползла под рёбра, свернулась там тёплым клубком и грелась, как змея у очага.

В ту ночь Герхард не сомкнул глаз. Сидел в мастерской, при свете одинокой свечи пересчитывал углы, сверялся с

трактатами Виллара де Оннекура. Всё сходилось. Арка стояла на бумаге. Но в реальности — не стояла бы.

В полночь он вышел на стройплощадку.

Луна висела низко — бледная, как глаз покойника. Собор поднимался из земли с мучительной медлительностью. За шесть лет вывели лишь хоры да часть трансепта. Камни пахли сыростью и ещё чем-то — сладковатым, тревожным, как запах затхлой воды.

Герхард подошёл к восточной стене. К той самой, где замуровали камень с «тёплым кирпичом».

И увидел девочку.

Лет тринадцати, худая, босая, в грязном платье, что давно потеряло цвет. Она сидела прямо на щебне, обхватив колени, и смотрела на стену. Не на собор — именно на стену. Всматривалась в неё с такой жадностью, будто читала высеченную на камне книгу.

— Ты кто? — спросил Герхард.

Девочка не обернулась.

— Грета.

— Какого чёрта ты здесь делаешь в полночь?

— Слушаю.

— Что?

— Камни. Они поют, когда никто не слышит. Только тихо. Очень тихо.

Герхард хотел выругаться, прогнать её, пригрозить стражей. Но вместо этого спросил:

— И что они поют?

Девочка медленно повернулась.

У неё были странные глаза. Не цветом — взглядом. Слишком старым для тринадцати лет. Слишком тяжёлым для существа, которое никогда не поднимало ничего тяжелее кувшина с водой.

— Они поют про арку, — сказала Грета. — Про ту, что вы начертили, но не вы. Она не рухнет, если камень положить вверх ногами.

— Что?!

— Шершавой стороной вверх. И залить не извёсткой, а... — она помедлила, будто переводила с языка, на котором не говорят вслух, — а своей кровью. Не всю. Немного. Каплю на каждый камень. Тогда арка простоит тысячу лет.

Герхард отшатнулся, будто его ударили.

— Ты безумна. Или одержима.

— Может быть, — Грета легко встала, отряхнула юбку. — Но вы всё равно так сделаете. Потому что я права.

Она ушла в темноту, не оглядываясь.

Герхард простоял на стройке до рассвета. А утром, не глядя никому в глаза, велел ученикам перечертить арку.

Камни положили шершавой стороной вверх.

Никто не дал ни капли крови.

Но когда замешивали раствор, в бочку глухо упала мёртвая ворона. Её не заметили.

Арка стоит до сих пор.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ СНЕГ БЕЗ ТЕНИ

1260 год.

Грете было девятнадцать.

Она больше не жила в кожевенном квартале — мать умерла от чумы, отец запил и исчез. Она мыла полы в ризнице будущего собора, спала в подвале на мешках с известью и каждую ночь ходила в круг земли.

Теперь там стоял алтарь. Собор рос.

Внутри Грета не изменилась. Та же худая, всё те же босые ноги — даже зимой. Священники крестились при виде неё, дети швыряли камни, но Грета не злилась. Ей было некогда.

Она училась.

Под землёй ОН учил её. Не словами — видениями. Каждую ночь она проваливалась в сны, где не было цвета, но была форма. Форма всего. Как камень ложится на камень, как ветер огибает шпиль, как трещина идёт по стене — сначала невидимо, потом вдруг.

Она стала лучшим прорабом на стройке. Никто этого не признавал, но каждый спрашивал у неё совета. Тайком. Ночью. С оглядкой.

— Он скоро проснётся, — сказала Грета однажды в круг.

Вместо ответа — тепло под ногами. Тёплое, как всегда.
Но с новой нотой. Беспокойство.

— Что-то случилось?

«Они начинают подозревать», — пришло ощущение. Не голос — больше похоже на вкус металла во рту.

— Кто?

«Сверху. Те, кто подписал мне приговор. Они чувствуют, что я не в колодце. Я должен быть в колодце — месте хуже ада. Но я здесь. И они ищут.»

Грета опустилась на колени.

— Ты боишься?

Тишина стала холодной. На секунду — одну, крошечную — тепло ушло. И Грета почувствовала то, что не должен чувствовать ни один человек.

Пустоту до рождения звёзд.

Стужу, от которой замерзают души.

Одиночество старше времени.

А потом тепло вернулось. С извинением.

«Нет. Но я должен быть осторожен. Если они найдут меня раньше, чем собор достроят...»

— Что тогда?

«Тогда я покажу им лицо. Настоящее. И после этого у ада не будет имени. Потому что имени больше никому будет давать.»

Грета встала.

— Покажи мне.

«Нет.»

— Покажи. Я выдержу.

«Ты — мои глаза. Если я покажу тебе своё лицо, твои глаза перестанут быть твоими. Они станут моими. Ты будешь видеть всё — вечную ночь, тишину до звука, цвет сфер. И ты сойдёшь с ума. Не сразу. Через десять лет, через двадцать. Но сойдёшь.»

— А если я согласна?

Молчание.

Очень долгое молчание.

Потом Грета почувствовала на своей щеке нечто. Не палец — прикосновение внимания. Такого глубокого, что оно обожгло.

«Тогда ты станешь единственной, кто увидел моё лицо и не упал замертво. Но это проклятие, а не дар. Подумай. У нас есть время. Собор достроят не скоро.»

Грета кивнула.

В ту ночь выпал первый снег. Тот, что бывает раз в сто лет — крупный, сухой, летящий не вниз, а горизонтально.

Когда Грета подняла голову, она заметила странное.

У неё не было тени.

Ни от луны, ни от фонаря, ни от звёзд.

Тень ушла. Или её кто-то... взял?

Она посмотрела на свои руки. Бледные, как у всех. Но внутри кожи, под ногтями, засветилось что-то тёмно-синее. Не вена. Не кровь.

Тьма, которая ждала.

Грета улыбнулась и пошла спать.

Подвал встретил её запахом извести и крысиным шорохом. Но теперь на стене, где всегда было пусто, кто-то нацарапал семь знаков. Не букв — символов.

Грета прочитала их без труда.

«Сердце моё. Не торопись умирать.»

Она легла и заснула с этой фразой вместо молитвы.

А на стройке в ту ночь рухнули леса. Никто не пострадал. Но все тридцать рабочих клялись, что видели в пыли чей-то силуэт.

Слишком высокий.

Слишком прямой.

Слишком старый, чтобы быть человеком.

ГЛАВА 6. ПЕРВЫЙ ЗВОН

1265 год.

Хоры Кёльнского собора освящали в дождь.

Не ливень — мелкая, злая взвесь, что просачивалась сквозь одежду, под кожу, под самые молитвы. Архиепископ Энгельберт фон Фалькенбург стоял у нового алтаря, воздев золотой крест, и выплёвывал латинские слова с такой лихорадочной поспешностью, будто страшился, что они истлеют у него во рту раньше, чем слетят с губ.

Грета стояла в заднем ряду, среди служек.

Ей было двадцать четыре. Всё ещё худая, всё ещё босая — теперь это называли «*святым безумием*» и терпели, как терпят неизбежное зло. Её тени по-прежнему не было. Никто не замечал. Или — никто не смел замечать.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — архиепископ коснулся крестом алтарной плиты.

И в этот миг собор вздохнул.

Не ветер. Не сквозняк. Каменные своды хоров прогнулись на долю дюйма — ровно настолько, чтобы каждый присутствующий ощутил ледяной ток под рёбрами: под ними что-то есть. Что-то живое. Что-то древнее, что помнит имена, которых уже некому произносить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.